

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Издательство благодарит за предоставленные фотографии
Евгения Бунимовича и Наталью Зорину, а также
Светлану Бодрунову, Игоря Волгина, Александра
Ковальджи, Сергея Менделевича, Владимира Мишукова,
Михаила Сидлина и Сергея Шугарова.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Бунимович, Евгений.

Б91 Вкратце жизнь / ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ. — Москва : Издательство АСТ :
CORPUS, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-089873-2

Евгений Бунимович — поэт, педагог, публицист, общественный деятель, заслуженный учитель России, лауреат Премии Москвы в области литературы и искусства, многих других литературных премий, кавалер французского ордена Академических пальмовых ветвей.

Е. Бунимович — автор десяти книг стихов, книг прозы, статей, эссе, а также школьных учебников по математике. Его стихи и проза печатались во многих странах мира в переводах на английский, французский, немецкий, голландский, испанский, польский, румынский, финский, сербский, арабский, китайский и др. В Брюсселе брусчатка набережной выложена строками стихов Евгения Бунимовича на четырех языках.

В книгу “Вкратце жизнь” вошли воспоминания о детстве, отрочестве и юности, о доме и семье, о годах студенчества, а также рассказы о литературном андеграунде конца XX века, давшем целое поколение замечательных поэтов.

Вошедшая в эту книгу повесть “Девятый класс. Вторая школа” о годах учебы в легендарной московской математической школе уже завоевала широкое признание читателей, была в числе номинантов нескольких престижных литературных премий, получила премию журнала “Знамя” за лучшую публикацию года.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089873-2

- © Е. Бунимович, 2012, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Содержание

Мой маленький семейный приквел

Про деда	15
Про бабу Розу	21
Про папу	26
Про маму	34
Про дом	43
Про меня	53
Про школу	61
Про театр	65
Про одиночество	68
Про бабу Эсю	70

Девятый класс. Вторая школа

Объяснение в любви в 23 частях

Необходимое предуведомление	75
До	78
Переходный возраст	82
Феликс	87
Класс	92
Классный	98
Бегемот и другие	104
Только влюбленный	109
Зоя	115
Фантомас	119
Лишние хромосомы	123
Непомнящий	127
Северный поход	131
ЭлПэ	139
Возвращение	146
Невольник чести	152
Сивашинский	156
Крука	160
Экзамены	166
После	172

Наталья Васильевна	177
Встречи и прощания	180
Шеф	186
<i>Personalia</i>	190

Вкратце жизнь

Фрагменты одного интервью	207

Три рассказа про поэтов

Чувство прекрасного	271
Кинжал Заремы	286
Критическая масса	303

*Все реже совпадают со временем.
Возникают разрывы, они затягиваются соединительной тканью воспоминаний.
Так появилась сначала книга о школе, где учился, о моих учителях и однокашниках.
Потом собрались вместе рассказы о детстве, семье, родителях, о доме, в котором родился.
В это время Линор Горалик, которая в проекте “Частные лица” коллекционирует размышления поэтов о своей жизни и стихах, записала большое интервью.
Фрагменты его — о годах студенчества, литературных студиях тех лет, о жене и сыне, о начале работы в школе — тоже вошли в книжку.
И еще три истории о друзьях-поэтах.
Так и сложилась эта книга:*

- **Мой маленький семейный приквел**
- **Девятый класс. Вторая школа**
- **Вкратце жизнь**
- **Три рассказа про поэтов**

*В общем, получилось незатейливо: детство, отрочество, юность. Мои университеты. Вкратце жизнь.
Конечно, хотелось бы и надо бы рассказать еще о многом, о многих.
Да и жизнь продолжается.*

ЕВГЕНИЙ БУНИМОВИЧ

**Мой маленький
семейный
приквел**

В Сокольниках на катке (пенсионерам — скидка) обнаружилось, что Наташа до сих пор помнит:

- рисунок на своем дошкольном платье для фигурного катания (белый бисер на красном вельвете);*
- какая там была застежка (три тугие пуговицы на левом плече);*
- как рейтузы подтягивала (велики были).*

И это еще не все.

А я мало что помню, почти ничего.

Но вот ведь — вспоминаю.

Моя жизнь, мне и говорить.

Про деда

Не получается у меня спокойно пройти мимо канцелярского магазина. Люблю не могу всяческие блокноты, тетрадки, ежедневники, просто пачки бумаги...

Это от деда. Дед Исаак был писчебумажником от Бога и любимую им бумагу верже мог отличить по запаху, на ощупь, на вкус и даже на слух — по шуршанию.

Может, и стихи мои не потому, что пальцы просятся к перу, а потому, что перо — к бумаге.

С парадного фотопортрета в картонной рамке с золотым тиснением на нас смотрит холодноватым взором записной франт. По крайней мере, так мне казалось в эпоху советского ширпотреба. На самом деле просто прилично одетый дореволюционный господин. Менеджер среднего звена.

Деда арестовали в Киеве, обвинили в троцкизме — по доносу его собственного секретаря, гарного парубка с комсомольским лицом.

Парубок тут же был назначен на место деда, хотя бумагу верже едва ли отличал от туалетной, тогда как дед едва ли отличал Ленина от Троцкого, а левую оппозицию от правого уклона.

Права дед был крутого. Во время погромов организовывал отряды самообороны. Когда следователь в очередной раз начал приставать к нему с этим неведомым троцкизмом, дед запустил в него чернильницей.

Понятно, чем бы закончилась эта печальная история, если б в мутном потоке тогдашних доносов не подоспел еще один. На сей раз — от бдительных односельчан упомянутого парубка.

Из нового доноса, теперь уже не на деда, а на его секретаря, следовало, что киевский комсомолец-разоблачитель сам являлся врагом народа, сыном кулака.

Несчастный парень сбежал из дома, когда взяли его отца и всю семью, и теперь старался как мог выслужиться перед новыми властями. Вот и заложил деда.

Это были еще не тотально расстрельные тридцатые. И деда — согласно тогдашней абсурдистской революционной логике — выпустили. Несмотря как на призрачный троцкизм, так и на вполне реальную чернильницу.

После чего дед уже никогда никаких иллюзий по поводу происходящего вокруг не питал.

В тот же день он запер на замок киевскую квартиру на задворках Крещатика, в глубине двора меж Фундуклеевской и Прорезной, и переехал с семьей от греха подальше в Москву, чтобы бесследно раствориться в еще более крупном и суматошном людском муравейнике.

В Москве дед уже никак не светился, был мелким клерком, скромным совслужащим, и про бумагу верже я узнал в свое время вовсе не от него, а из известных мандельштамовских строк.

Две почти нечитаемые газетные вырезки — одна о разоблачении троцкиста (деда), другая о разоблачении кулацкого сына (его секретаря) — выпали из двадцать девятого тома мрачно-зеленого собрания сочинений плодовитого Чарльза Дикенса, когда мы с отцом переставляли книги из рассохшихся и уже не закрывавшихся старых шкафов на свежеприобретенные румынские полки.

Другие обрывки истории семьи выпадали из многотомной книги судеб столь же редко и случайно.

Мои дедушки и бабушки были детьми местечек: Вилейка, Воложин, Фастов... Там они и выучились — кто как смог.

Воложинская иешива деда Исаака была весьма престижным заведением. Туда приезжали

на учебу отовсюду (даже из Японии и Австралии). Формально ее закрыли еще до Первой мировой (как не соответствовавшую тогдашним стандартам образования), но дожила иешива до Второй.

Последних учеников вместе с раввином расстреляли нацисты в сорок первом.

Мне было лет десять (может, больше), когда в начале летних каникул мы пересекали на машине Белоруссию, направляясь к популярной среди тогдашней научно-технической интеллигенции Балтике, дабы, бродя по колено в холодном мелком море, прячась от ветра в песчаных дюнах и от морозящего дождя в уютных кофейнях, полагать себя в Европе.

По дороге мы неожиданно свернули с шоссе на пыльный проселок и остановились посреди неведомого селения.

Предмет отцовской любви и гордости (несколько лет он простоял в особой профессорской очереди), наша “Волга” с оленем на носу произвела на аборигенов сильнейшее впечатление.

Папа начал осторожно расспрашивать местных, выбирая тех, кто постарше:

— Не подскажете, где здесь была улица Пилсудского?

Я ничего не понимал. Куда мы приехали? Какой Пилсудский? Зачем папе эта улица?